
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

От редакции

Статьи, помещенные здесь, открывают новую рубрику, посвященную методологическим аспектам социологической теории. Публикации такого рода уже появлялись на страницах нашего журнала – например, перевод работы Дж. Александра об общей теории в состоянии постпозитивизма (2004. № 18, 19), – но нам бы хотелось обсуждать такие вопросы на регулярной основе.

Основным содержанием рубрики станут работы, фокусирующиеся, с одной стороны, на методологии построения социологической теории или решения тех или иных фундаментальных вопросов, с другой – на влиянии теоретических моделей или представлений на методологию и методы социологического исследования.

Публикуемые в этом номере статьи служат хорошей иллюстрацией потенциала новой рубрики. В работе Н.В. Романовского обсуждается будущее социологической теории, элементы которого могут быть выявлены с помощью методологии поиска «точек роста». А.А. Кожанов обращается к анализу динамики научного знания, фокусируясь на возможностях методологии теоретических исследовательских программ по сравнению с другими подходами, решающими близкие задачи.

Редакция приглашает авторов принять участие в наполнении рубрики актуальными материалами.

Н.В. Романовский
(Москва)

О «ТОЧКАХ РОСТА» СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ¹

Показаны возможности методологии поиска «точек роста» в современной теоретической социологии и возможности ее преобразований, которые откроют новый этап истории социологической науки. Из ряда потенциально важных перемен и подвижек, происходящих в последние годы, выделены наиболее перспективные, связанные с а) новым уровнем проникновения в проблематику действия/взаимодействия людей, б) новым пониманием роли и функции социологической науки, а в перспективе выводящие ее за пределы результатов «спора о методе» конца XIX в., 3) интеграцией в социологическое теоретизирование новых цивилизационных подходов социологов Китая, Индии и других стран. Отмечены также направления поисков, обнаруживающие тупиковый характер.

Ключевые слова: социология современная, социология теоретическая, точки роста, социология жизни, социология постколониальная

Введение

Понятие «точки роста» (ТР) привлекло мое внимание в 1999 г. в статье питерского социолога И. Яковлева [1] не столько конкретным авторским его наполнением (тогда много говорили о синергетике), сколько заключенной в нем, подразумеваемой, имплицитной методологией анализа (и подхода к) развития(-ю) ядра

Николай Валентинович Романовский – доктор исторических наук, профессор, заместитель гл. редактора журнала «Социологические исследования». E-mail: socis@isras.ru.

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ, грант № 14-03-00352.

современной социологии – социологической теории. Анализ точек роста ориентирует внимание на важные, иногда не замечаемые аспекты эволюции нашей науки в ее теоретической части¹. Такой подход 1) пронизан отказом от статики и, напротив, вниманием к постоянно присутствующей динамике теоретических взглядов; 2) в своей онтологии концентрирует исследовательский поиск на ожиданиях проявлений этой динамики; 3) выявляет моменты динамики теоретических взглядов, обстоятельства, проявления, этапы; 4) пытается распознавать уже на начальной стадии возникающие (эмерджентность) явления или процессы в социологической теории. Опыт истории нашей науки показывает, что такой подход в применении к теоретической социологии лежит в русле построений, которые начиная с организмических метафор Г. Спенсера служили многим социологам-теоретикам импульсами к теоретизированию, сфокусированному на происходящих в социологическом знании процессах развития. Цикличность, повторяемость в общих чертах этапов развития нашей науки позволяет предположить, что развитие ожидаемых точек роста придаст социологии новый облик, – как это произошло за десятилетия, отделяющие, скажем, социологию Спенсера от социологии М. Вебера, а социологию Вебера – от социологии Парсонса, Мертона и Лазарфельда, когда наша наука всякий раз достигала качественно нового этапа своей истории.

Точки роста современной теоретической социологии: методология поиска

Рефлексия истории социологии и её современности позволила выявить 14 факторов динамики ее развития [2, с. 24–26]. Факторы, эти, взятые из реального прошлого социологии, названы детерми-

---

¹ Метафора «точки роста» в применении к социологии далека от употребления этого же понятия в когнитивной лингвистике, математике, исследовании жестов и т.д.

нантами перемен, по своему содержанию конкретизируя понятие «точки роста». Замерены же они и ранжированы по своей силе с помощью экспертного опроса социологов, в основном – постоянно сотрудничающих с журналом «Социологические исследования». Большинство этих факторов упоминаются ниже¹. Скажу лишь, что большая часть из них локализуется в рамках социологической науки, другая лежит вне её, в «большом» общечеловеческом обществе. Отмечу также, что прорывы в социологической теории заняли одно из ведущих по своему влиянию мест в динамике развития социологии в целом.

В применении к проблеме точек роста современной теоретической социологии очерченный подход означает как минимум следующее. В отличие от ряда известных прогнозов будущего социологии и её теории (в том числе Гидденса, Дженкинса, Валлерстайна, Ядова и др.) прогноз такого рода методологически опирается на весь исторический путь нашей науки, минимизируя влияние, например, случайных, ситуативных, личностных аспектов видения возможных ТР. Ведущим методом анализа выступает постоянный, ведущийся в поле социологии уже около десяти лет мониторинг событий, позволяющих выстраивать некую «структуру» происходящего в нашей науке, если не употреблять более обязывающее слово – «система». Этот подход подвижен, лишен претензий на окончательность, поскольку развивающаяся наука, действия агентов её поля едва ли строго предсказуемы. Мониторинг поля теоретической социологии, – современной, мировой, международной, включая также социологию, например, России, Украины, Беларуси, Казахстана, ведется с целью обнаружения

---

¹ Не удержусь от примера – точка роста в виде финансовых средств, без коих не было бы ни Конта, ни Спенсера, ни Маркса, ни социологии, ни социологии, ни общественных наук, поскольку у них не было бы возможности заниматься наукой. Сегодня флуктуации судеб социологии порой измеряют ростом/падением числа студентов-социологов, влияющим на финансирование. Да и мои измерения этих факторов поддерживались грантом РГНФ.

(скажем, хотя бы потенциальных предпосылок, попыток, неудач) искомым ТР, «ризом» (от франц. – «корневище»), зародышей нового в теоретической социологии, оценки потенциального влияния ее на нашу науку и т.д.¹

Методология предиктивной аналитики позволяет не упускать из виду ничего существенного из происходящего в последние годы в мировой социологии вообще и в теоретической – в частности. К тому же Международная социологическая ассоциация, региональные и национальные ассоциации наших коллег, университеты, издательства, отдельные авторы стремятся сделать свои публикации, идеи, представления доступными сетевой аудитории – см. доклады (в виде аннотаций) последних мировых конгрессов и форумов МСА, европейской ассоциации социологов и др. Надо признаться (в первую очередь самому себе), что и положение журнала «Социологические исследования» обязывает работать на опережение, с учетом возможных, лишь формирующихся тенденций будущего нашей науки.

Точки роста в лоне социологии

Созданная людьми и для людей всякая наука совершает поступательное движение в первую очередь усилиями представителей науки. Этот постулат неоспорим на всем протяжении истории социологии, включая развитие её теоретического ядра. Он запечатлен в изложении эволюции нашей науки как череды сменяющих друг друга имен тех, кого принято считать классиками социологии, прославившихся теоретическими открытиями. Поэтому начинать выявление точек роста современной теоретической социологии целесообразно, даже оправданно, с поисков ТР в деяниях некоего круга современных клас-

---

¹ Пример – феномен Гуан си в Китае, который поразил воображение европейских аналитиков непривычной – товарищеской – этикой взаимоотношений партнеров по бизнесу [3, с. 130–132].

сиков, ныне живущих ученых, пытающихся вывести социологическую теорию на новый уровень¹. Фигуры уровня Вебера, Парсонса, повторяясь, суть символы поворотных моментов истории социологии.

Ныне живущие (Дж. Александер, Э. Гидденс, Г. Йоас, Б. Латур, Дж. Ритцер, А. Хоннет, П. Штомпка и др.) или ушедшие из жизни в последние 30–40 лет теоретики нашей науки (Т. Адорно, У. Бек, П. Бурдьё, Г. Гарфинкель, Э. Гоффман, Дж. Коулмен, Н. Луман, М. Фуко и др.) при жизни или посмертно не добились статуса большой пятерки классиков социологии (К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс). Достижению такого статуса в последние десятилетия могли бы способствовать успехи в проверке, уточнении, дополнении, достраивании, расширении созданных ранее общих классических социологических теорий. Исправлялись допущенные, например Парсонсом, ошибки, наработанное социологами теоретическое знание адаптировалось к обновляющимся реалиям современного мира. В социологию интегрировалось междисциплинарное знание. Таков же характер новаций, вносимых в теоретическую социологию отечественными учеными: С.И. Григорьев – виталистская социология, Д.В. Иванов – «поточковые структуры» [6], С.А. Кравченко – «играизация», И.Ф. Девятко и коллеги – изучение соотношения научных и обыденных теорий социального действия, прояснение оставшихся вне поля зрения ученых «механизмов» социального поведения людей в привычных, бытовых, неререфлексируемых условиях («folk sociology»), которое продолжает классическую традицию теоретических построений, начатую М. Вебером – анализ социального действия, сочетаний в нем рационального и иррационального, аффективного, подсознательного и т.п. [7; 8]. Не преодолена полипарадигмальность социологической теории путем интеграции ряда или большинства теоретических конструкций.

---

¹ Перечни таких ученых встречаются в современной учебной и научной литературе, в сети [4], в знаменитых книгах по социологии [5] и др.

«Повороты», интеграционные процессы, междисциплинарные взаимообогащения, порой крайне важные, другие попытки ученых выйти за пределы нынешнего состояния теоретической социологии, осуществить крупный сдвиг в теории и открыть новый этап её истории (ведь когда-то он должен состояться!) цели не достигли. Тем не менее, такие усилия за рубежом и в России продолжаются. Покажу их методологию на трех конкретных примерах.

1. Начавший научную карьеру в Дании профессор Оксфордского университета Б. Флибберг по-иному подходит к возможности фундаментальных перемен в современной социологической теории. Он обращается к первым, сохранившим канонический характер определения специфики, предмета и метода социологической науки, её отличиям от наук о природе, о возможности – вопреки установке О. Конта – выявлять подобные законам физики общественные законы. Тогда на возникшие вопросы были даны ответы, несшие на себе отпечаток времени (конец XIX в.), места (университеты Германии), предмета споров и личностей их участников, других рамочных условий. Преимущественно немецкие теоретики обсуждали действительно ключевые вопросы науки, в том числе (но далеко не только и даже не столько) – теоретической социологии. Однако на поставленные вопросы социально-философские искания конца XIX в.¹ дали конвенциональные (договорные) ответы². Осталось много нерешенного; поиски не прекращались. Флибберг полагает, предельно упрощая его подход, что социологам следует концентрироваться не на понимании, объяснении, герменевтике и т.п. (о чем говорили В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др.) как задачах социологии, сформировавших её теоретические основы, а на *фроне́зисе* (Аристотель). Примером фроне́зиса высту-

---

¹ См., например: [9, с. 60–81, 269–281, 437–454].

² В контексте поиска точек роста современной социологии важно сказать, что сюжеты из истории предсоциологических споров в многотомнике по истории теоретической социологии написаны Ю.Н. Давыдовым.

пает экспертное участие социологов в обеспечении рациональной, не допускающей растрат и хищений (по данным Фливберга их средние размеры доходят до 31% от всех подобных ассигнований) реализации крупных проектов общенациональной значимости (см.: [10]). Наконец, Фливберг доказал на ряде проектов эффективность своих методик. Но как общая установка социологии его подход поддержки не получил.

2. Выросшая из социальных потребностей общества начиная с О. Конта социология изначально была погружена в проблематику социальных бед и пороков, отличаясь критикой сущего. Продолжая традицию Маркса, в середине XX в. Франкфуртская школа дала толчок формированию «критической социологии». Выделялся критичностью оценок политики США во Вьетнаме, а также на Кубе Ч.Р. Миллс. И в начале XXI в. (2004 г.) американский социолог марксистских наклонностей М. Буравой, став президентом Американской социологической ассоциации, попытался придать новое качество данному тренду. Он призвал социологов интенсифицировать усилия по постановке и решению важных задач общества под лозунгом «За публичную социологию» [11]. На посту президента Международной социологической ассоциации (МСА) он попробовал еще дальше сдвинуть акценты в желаемом направлении, в определенной степени связав свои усилия и с теоретико-методологическими основаниями социологии. В русле рассматриваемой здесь проблемы позиция Буравого своей методологической сутью не очень отличается от позиции Б. Фливберга. Да и материал о фронезисе Фливберг прислал в «Социс» в ответ на нашу просьбу высказаться по программным заявлениям Буравого, дав понять (пусть судит читатель, правильно ли мы восприняли позицию Фливберга), что его усилия направлены на ту же цель – «перепрофилировать» сущность, ядро, стержень задач социологии и усилий социологов. Правда, Буравой добился лишь частных успехов: публичная социология получила признание в мировом профессиональном сообществе, возникли

группы соответствующей ориентации. В России мысли Буравого были восприняты как своевременное напоминание социологам о необходимости внимания к острым общественным проблемам [12; 13]. И не более. Теоретическая нацеленность социологии на постижение, понимание сути происходящего в человеческом обществе не утратила своей центральной роли. Основным оппонент Буравого польский социолог и в прошлом президент МСА П. Штомпка парировал аргументы Буравого парфразой из Маркса: прежде чем менять мир, надо его понять.

3. Революционаризм остановили, но проблемы развития социологии остались. Остались и вопросы о возможных переменах в теоретических разделах нашей науки, возвращающиеся к событиям и лицам второй половины XIX в., к заложенным тогда основам теоретической социологии. Какое-то время в моде тогда была философия жизни, послужившая в наше время отечественному социологу Ж. Тощенко одной из отправных точек разработки *социологии жизни* как крупной, возможно – «арочной» – социологической теории [14; 15]¹. «Философию жизни», «социологию жизни» связывают с именем французского философа Ж.М. Гюйо. По ряду причин (возможно, сказалась его недолгая – 37 лет – жизнь), взгляды этого ученого (и акцент на жизнь как центр интереса социологов) не получили распространения. К тому же в XIX в. эталонами учености в социальных разделах научной мысли слыли немецкие университетские философы. Современники Гюйо меряли его самого немецкой меркой – «французский Ницше». Но нам важнее и личности, и даже судеб идей Гюйо время и обстоятельства появления и недолгой по времени циркуляции понятия социология (философия) жизни. Показательно, что философия жизни фигурировала и у В. Дильтея (1833–1911). Он первым начал различать науки естественные и общественные (или на-

---

¹ Термин этот возник в спорах о возможной теории, которая бы объединила существующие построения социологов-теоретиков подобно арке.

уки о природе и обществе)¹; правда, категории жизни как базе обозначения социальной науки он предпочел в итоге термин *дух* (*Geisteswissenschaften* – на английский переводится обыкновенно как *human sciences*² – иногда: наука о культуре). Культура, дух, гуманитаристика, история, общество, человек, – если эти основания науки, нынешней социологии, конвенциональны, почему не добавить к ним жизнь, как это делал Дильтей?

Позднее были биологические основы общей теории систем Л. фон Берталанфи, функционализм Парсонса, его системное теоретизирование, теории Н. Лумана с использованием биологических метафор (ризома, аутопойсис, метаболизм и др.), основанные на новых достижениях ряда далеких от социологии наук о жизни. Ж.Т. Тощенко, говоря о такой социологии, обращается (или возвращается) к сердцевине явно незавершенных в свое время дебатов о структуре и уровнях научного знания, к понятиям недоисследованным. Оставаясь общепризнанными, они, все же – надо признать – уязвимы к критике: мол, они временные, преходящие, оставленные в покое до лучших времен и лучших аргументов. Эти обстоятельства а) вновь и вновь стимулируют поиск ученых; б) выступают доказательством фундаментального характера и потенциальной важности постановки вопроса о социологии жизни. Замечу, продуктивность социологического поиска сквозь призму социологии жизни продемонстрирована важными данными авторских эмпирических исследований жизненного мира граждан современной России.

Для социологии в контексте «социология жизни» важны достижения науки о живом, биологии, эволюционной теории (не-

---

¹ См. написанный Ю.Н. Давыдовым раздел в многотомной истории теоретической социологии о В. Дильтее [9, с. 60–65].

² Дух – это «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Дильтей начинал учебу в университете с теологии, был ревностным протестантом; его последний труд – «Проблема религии» [16].

оэволюционизм, неодарвинизм), в изучении гена человека, и др., а также открытия в этой группе наук, вносящие и в социологию элементы нового, предпосылки грядущих открытий. Посмотрите жаркие споры в мартовском номере журнала британских социологов о последствиях для социологии открытий в области биологии в «молекулярной пере-записи расы» [17]. Некоторое время назад «Социс» опубликовал статью о влиянии гормона окситоцин на социальное поведение человеческих особей [18], и – в более широком плане – о движении к нейросоциологии [19]. Видимо, такие, пока «точечные», открытия побудили Дж. Тернера в недавнем переиздании учебника по социологическим теориям одной из 12 предлагаемых студентам теорий считать «вдохновляемое биологией эволюционное теоретизирование» [20]. Кстати, в данном случае налицо еще одна точка потенциального роста нашей науки – междисциплинарные взаимодействия. Как видим, неисповедимы неожиданность своего появления интересующие нас «точки роста». Возможность нахождения таких точек, прорыва в теоретическом знании существует. Дискурс проблемы продолжается; выявлены разные её грани. К тому же точки роста социологической теории существуют и за пределами уточнений, обновлений социологии, дополнений её (теории) классических основ, вообще за пределами научного знания. Кроме усилий ученых по созданию теоретических конструкций, такую роль, преобразуя социологическую науку и поднимая её на исторически новый уровень, играет время, смена исторических эпох.

Эпоха – генератор, возможно, решающий, точек роста (и тупиков) социологии

Коренные перемены в современном мире, эволюция содержания современной эпохи (*modernity*, используя западный термин) – конечно, не напрямую, – не могут не влиять на социологическое знание, включая теорию. В упомянутой выше попытке автора этих

строк измерять факторы (детерминанты) развития социологии, фундаментальные глобальные изменения мира, подобные наполеоновским XIX в. или мировым войнам XX в., заняли второе место по силе своего влияния на процессы в нашей науке. Можно полагать: перемены в современном мире следует сделать объектом пристального внимания в целях диагностики и прогноза возможности глубоких подвижек как в социологии в целом, так и в социологии теоретической.

О чем может идти речь, покажу на нескольких примерах. В 2009 г. журнал «Социологические исследования» опубликовал статью Д. Калекин-Фишман, начинавшуюся фразой: «Утверждения, что развившиеся в США институты и теории социологии могут отразить особенности коллективной жизни на земном шаре, сейчас подвергаются опровержениям по нескольким основаниям» [21, с. 16]. Эта проблематика в методологическом отношении – часть обсуждаемого не первый год убывания мощи и влияния США, всего «Запада»¹. Правда, нужно помнить: несмотря на признание факта наличия в наше время мультиполярного мира, никто свои позиции уступать не собирается. Тенденция может дать результат (скорее всего – неожиданный, взять хотя бы пример наплыва летом 2015 г. массы мигрантов в Центральную и Западную Европу) очень нескоро. В таком контексте нередкие в последние годы пессимистические («кризис», «упадок») [23; 24] оценки ситуации в социологии США и Западной Европы заслуживают отдельного разговора. Имея это в виду, будем держаться проблематики социологии: изменения на земном шаре не могут не влиять на сложившиеся характеристики социологической науки, включая её теоретическую составляющую.

«Иная» (Калекин-Фишман) социология безусловно тесно связана со становлением «иного мира», мира «нового», отличного от сложившегося в XX в., где гегемонами на протяжении целой

---

¹ См., например: [22].

эпохи выступали США и Западная Европа. Есть ли в обсуждаемой нами проблеме движения к «иной» социологии обозначившиеся «точки роста», заслуживающие внимания в интересующем нас плане – как предчувствие принципиально нового типа социологического теоретизирования, существенно выходящего за пределы нынешнего теоретического канона – Маркс, Вебер, Парсонс, Зиммель, Дюркгейм и т.д.? На мой взгляд, даже в минувшей части XXI в. таких, возможных, перспективных, дающих надежду на плодотворность инноваций обозначилось несколько. Методология четырех из них кратко оценена ниже.

1. Кейс с китайским *Гуан си* симптоматичен акцентом на проявившуюся за годы быстрого роста экономики КНР бизнес-мораль, довольно существенно (если не коренным образом) отличную от её «североатлантического» аналога. Она локализована в центральной для сущности *modernity* – современного в западной интерпретации – общества сфере экономики – в бизнесе. При оценке значимости китайского кейса для современной социологии надо учитывать два по меньшей мере обстоятельства, имеющие место в социологии «североатлантического региона», которые сопутствуют дискурсу рациональности господствующего в бизнесе и западной экономической науке мейнстрима.

Во-первых, не забудем: первый теоретик капитализма А. Смит видел основой проповедовавшегося им экономического строя совершенно иные, нежели современные, морально-этические устои. И с ними резко контрастировали показанные китайцами инструментальные достоинства своих («иных») морально-нравственных факторов экономической активности. В формирующемся многополярном мире разные полюса его просто обязаны различаться хотя бы некоторыми принципами устройства общества. Конкретный пример такого рода принципов (в облике *Гуан си*) обрел в этом контексте как минимум символический смысл. Во-вторых, действующая в мире современного капитализма рациональность (см.: теорию рационального выбора как якобы испытанную опору

современной экономики) подвергается в зарубежной социологии резкой и, на мой взгляд, вполне аргументированной критике (см. например: [25; 26]). Нельзя сказать, что развитие событий в мире убедительно подтвердило преимущества именно китайской модели бизнеса; напротив, судя по ситуации в экономике этой страны летом 2015 г. К тому же для *Гуан си* был подобран европейский эквивалент – *доверие (trust)*. Но случай оказался симптоматичным: на алчности, погоне за прибылью, стяжательстве здоровой экономики не выстроить.

Рядом с китайским примером можно ставить попытки выстраивать социальную теорию на буддистских принципах (см., например: [27]). Такого рода шаги отслеживаются в ряде зарубежных периодических изданий, в выступлениях социологов на международных форумах. Не вдаваясь в детали озвученных идей такого рода, подчеркну: как и в случае с китайским *Гуан си* имеет место попытка опереться в социальном теоретизировании на отличную от европейской (и в известной степени российской) цивилизационную идентичность. О чем идет речь, попробую показать на примере. Еще в советское время я был участником беседы в кругу наших ученых с профессором Университета им. Дж. Неру в Дели Зафар Имамом и стал свидетелем, как рассказ о серьезных социальных проблемах Индии вызвал вопрос из аудитории: «Как вы решаете эти проблемы?» Прозвучал ответ, лично для меня неожиданный. Вы, ответил индийский профессор, пытаетесь решать проблемы, мы же стремимся жить с ними. Неожиданность ответа, полагаю, хотя и не могу считать свое мнение непогрешимым, имела цивилизационный подтекст. И это важно. В мире только начавшегося XXI в. с увеличением населения планеты до ориентировочно 11 млрд – некоторые уже сегодня непростые проблемы обретут такой характер, что человечеству придется подстраивать мораль и этику под максимум, которую озвучил Зафар Имам: жить с болезненными социальными проблемами, как бы, увы, ни хотелось их решить.

Оба приведенных примера (китайский и индийский) предлагают социологам не закрывать глаза на эмпирические, реальные проявления цивилизационной *инаковости*, которая, вероятно, может породить импульсы непрогнозируемых сегодня преобразований и в теоретической социологии.

2. Второй источник принципиальных инноваций нашей науки я связываю с «постколониальной» социологией (порой в этом смысле говорят о «глобальном юге» как противоположности глобальному северу), в какой-то степени близкой приведенным только что китайскому и индийскому кейсам. Постколониальная социология после краха колониальных империй Великобритании, Франции, Нидерландов, Испании, Португалии и др. прошла путь, который здесь не рассматривается. До сих пор пропасть между бывшими колониями и бывшими метрополиями детерминирована колониальным прошлым. В последние полтора-два десятка лет крепнет убеждение, вписывающееся в контекст обсуждения точек роста теоретической социологии: нынешняя социологическая теория, сложившаяся в рамках западноевропейских культуры, традиций социальных наук и т.д., неизбежно будет меняться, интегрируя цивилизационное наследие неевропейских народов, включая их социальную мысль. По воле случая этому подходу содействовали дебаты о «глобальной социологии», укрепившие опасения, что такую социологию, если ничего не делать, просто навяжут западные державы.

Уже при критике парсонсовской «системы современных обществ» фигурировала эмпирически подтвержденная несостоятельность применения к освобождавшимся от колониализма и зависимости странам рецептов «современных (*modern*) обществ» в структурировании и функционировании сфер политики, экономики, культуры, идеологии. Постепенно вызревала и крепла в содержательном плане мысль об отказе считать западные ценности, структуры и т.п. стандартным образцом, всё остальное низводя до статуса специфики. Вот цитата из одного материала последнего

Всемирного конгресса социологов: «Разумеется, социальные отношения колониализма, империализма и рабства сосуществуют со складыванием современного (*modern*) мира, однако в большинстве теоретических суждений о современности к нам подходят как к периферийным в интерпретации его развития» [28, р. 89]. Сегодня сторонники постколониальной социологии настойчиво призывают пересмотреть «западные» версии истории становления современного мира, его социальных устоев: начинают «переписывать» историю становления общества «модерна» за счет: а) отражения роли в становлении этого общества эксплуатации народов колоний и зависимых стран; б) изменения апологетической тональности нарратива о становлении такого общества путем интеграции в повествование о, скажем, Просвещении, Французской революции, индустриализации и т.п. данных о положении народных масс колоний и зависимых от Запада территорий, о перекачке отсюда в метрополию прибылей и ресурсов.

Собственно в социологической теории сторонники постколониального тренда предлагают уточнять некоторые положения классиков (включая Маркса, Вебера), поскольку в науке накоплены новые данные, которые были классикам недоступны¹. Важно и стремление постколониальной социологии включить в её научный дискурс многовековые ресурсы, обогащать современную глобализирующуюся социологию данными социологии исторической, в частности, о колониальном и доколониальном периодах. Переосмысление прошлого и истоков «общества модерна», его реального становления, надо всё же признать, с трудом становится нормой науки XXI в.

В постколониальной социологии активной разработкой её общетеоретических позиций занимаются ряд ученых, среди которых в последние годы выделились Дж. Гоу (США) и Г.К. Бхамбра

---

¹ Не касаюсь тех лиц, кто порой публично призывает вообще отказываться от всего европейского («североатлантического») в социологии.

(Англия, уроженка Индии). Дж. Гоу – автор статьи-манифеста, призвавшего коллег сосредоточиться на критике той социологии, которую колониальные державы оставили в наследство своим бывшим владениям – «За постколониальную социологию» [29]. Бхамбра стремится смотреть в будущее всей глобализирующейся социологии, намечать контуры совместного развития социологий колониальной и постколониальной. Ею выдвинута концепция *connected sociologies* – «связанных [друг с другом] социологий». Такой подход:

... подразумевает, что следует начинать исследование, исходя из глобальной перспективы, помещая себя в рамки процессов, благодаря которым возник этот мир. Начиная исследование с определенной места карте мира, мы неизбежно начинаем с истории, связывающей это место с остальным миром, определяя и уточняя связи, которые позволяют выработать интерпретацию, более широкую, чем идентичности или события, которые подлежат объяснению. Более мейнстримные подходы к глобальной социологии, обсуждавшиеся выше, игнорируют вопрос о глобальной истории, считая значительными лишь те связи, которые, как считается, экспортировали европейскую модерность в другие общества. «Взаимосвязанные социологии» – это подход, который, напротив, стремится поместить Европу в рамки более широких процессов, рассматривать то, каким образом Европа создала систему колониализма и порабощения, а затем извлекала выгоду из последствий этой системы, а также анализировать, что она могла бы узнать от тех, кого подвергла лишениям, чтобы разобраться с современными проблемами. Подход «взаимосвязанных социологий» указывает на работу, которую необходимо проделать, чтобы вдохнуть новую жизнь в социологическое воображение, находящееся на службе социальной справедливости во всем мире [30, с. 10].

Видение Бхамбры я бы оценил как реалистичное и потенциально плодотворное; во всяком случае, оно не опережает события и готово позитивно, «консенсусно» идти навстречу вероятным трансформациям нашей науки. Возможно, подразумеваемая идеей

«связанных социологий» интеграция подходов, рожденных в лоне цивилизаций европейской (и североамериканской), буддийской (Индия), конфуцианской (КНР), в корне обновит теоретическую мысль социологов не столь далекого будущего.

Однако, как и в реальной жизни, в современной социологии не все точки роста приносят плоды. Проиллюстрирую эту мысль двумя примерами (3 и 4).

3. Тупиковым оказался, кажется, опыт обновления современной социологии в форме «Южной социологии», сконструированной и популяризовавшей социологом из Австралии профессором Р. Коннелл. По её мнению, специфика социологии южного полушария нашей планеты (выход за линию экватора допускался) давала основания видеть в ней особое явление современной социологии, означенное введенными понятиями «южная социология» и «южная теория». Была развернута определенная организационная активность. Р. Коннелл, чтобы подкрепить свою позицию фактическими данными, акцентировала своеобразие полученных учеными этой части планеты результатов исследований проблем гендера, экономики, окружающей среды, модернизации, расы и др. Прозвучали и аргументы, связанные с некоторыми социальными теориями: модерн, общество модерна, либерализм и др. Но суждения о «южной социологии» не затрагивали, по моим наблюдениям, теоретического ядра социологии. И не заметно, чтобы сторонники Р. Коннелл намеревались вторгаться в эту сферу. К тому же, усилия по институционализации и обоснованию «южной» социологии в качестве составляющей мировой социологии пошли на убыль с отставкой Коннелл с университетского поста по возрасту. И в целом данный эпизод произвел впечатление энергичной попытки ученого сделать карьеру, реализовать личный потенциал.

4. Регион, казалось бы, способный – как Китай или Индия – придать новую динамику и специфику развитию социологии, это занимающие серьезные позиции в современном мире арабские

страны¹. Тем более, что о специфике своей социологии там часто говорят. Социологиям этих стран, при общей невысокой степени развития, действительно присущи характерные черты. Колониальные державы и неокolonизаторы оставили в этих странах (и по всему миру) университеты, ориентирующиеся – в том числе содержательно, идейно и в плане кадров – на бывшие метрополии («американские», а также «европейские» университеты). На социологии сказываются отголоски арабо-израильских конфликтов, в форме, например, неприятия вклада в социальную науку лиц еврейской национальности. Исследований в этих странах проводится мало: на всемирных конгрессах социологию арабских стран чаще представляют ученые, работающие в университетах Европы, США, Канады, Австралии.

Надежды на изменение положения социологии в этом регионе едва ли имеют сегодня серьезные предпосылки. И дело не в традиционализме. Да, здесь в обоснование специфических социально-научных позиций артикулирована опора на традиции ислама и племенной кочевой жизни, соответствующих укладов социальной организации. Абд эль-Рахман ибн Хальдун традиционно подается как создатель арабской социальной науки. Доминирует в интеллектуальной жизни этих стран религия, влиятелен в ряде случаев религиозный фундаментализм. Призывы строить социологию под зеленым знаменем, правда, ушли в прошлое. И всё бы ничего, но вот что популярный интернет-источник ставит во главу угла исламской социологии: «Одним из стержневых принципов исламской социологии является то, что Ислам обеспечивает идеальную гармонию индивида и общества, полное согласие их друг с другом» [31]. Такой принцип ставит социологическую науку в положение, известное нам по советскому времени. Чем это кончилось (не для социологии России – для СССР, для его народов) – не забыто. Думается, социологию стран с подобными рамками развития можно

---

¹ Не путать со странами исламскими.

исключить из потенциальных точек роста социологической теории. Конечно, религия на Востоке важна; но для диалога с учеными этого региона нужен язык науки. Восток и в нашей стране присутствует непосредственным образом. В общечеловеческом диалоге народов и цивилизаций участвуют во все возрастающем объеме и такие гиганты, как Китай и Индия. Для России этот пример важен и в контексте выступлений за социологию православную.

Нашествие или пришествие больших данных

Рассмотрение проблемы ТР было бы неполным без обсуждения перспективы, связанной с *online big data* (ОБД – ОБД). Из прошлого нашей науки известно, что обновление методики исследований способно произвести революцию в социологии, как это было с открытием в 1930-е гг. методики выборочных опросов. Получение, накопление, опыт работы с такими данными придали к 1970-м гг. абсолютно новый облик социологии, включая её методологию и теорию.

В 2007 г. англичане М. Севидж и Р. Берроуз опубликовали статью о грядущем кризисе эмпирической социологии [32], навеянную первыми встречами с ошеломляющим ростом объемов данных о «социальных» транзакциях (М. Сэвидж столкнулся с коллегой, который оперировал данными в миллиарды единиц информации – о телефонных переговорах англичан), повседневно собираемых, обрабатываемых и анализируемых многими частными и государственными организациями. К тому времени социологи вполне предметно представляли себе недостатки и качественных (глубинные интервью) и количественных (опросы) методов исследований.

Уже сегодня многим ясно: масштаб цифровой фиксации действий, поведения индивидов, возможность обработки неограниченно больших объемов данных самого разного содержания в обозримом будущем изменят методы сбора информации и наборы

навыков, используемых в социологии. Осмысление грядущей ситуации со сбором и анализом эмпирических данных выдвигает повышенные требования прежде всего к социологическому воображению. Данные, о которых в этом контексте идет речь, дадут много нового исследователям «народной социологии», жизненного мира людей, социального действия и взаимодействия, бытовых рациональности, культуры и др. Мы стоим перед полосой повышения возможностей ученых глубже заглядывать в социальный мир, в повседневное поведение людей в привычных, бытовых, неререфлексируемых условиях, точнее, чем нынешняя социология, картографировать, расшифровывать тайны жизненного мира индивидов. И дело не только в объеме информации. Откроются пласты знания, связанные с поведением индивидов, с социальным действием, с его часто потаенными, неосознаваемыми мотивировками. ОБД и компьютерная социология придадут социологии облик, о котором пока мы можем лишь догадываться. Едва ли останется в стороне от серьезных трансформаций и социологическая теория. Не здесь ли та точка роста, благодаря которой наша наука выйдет на качественно новый исторический этап своего развития?

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев И.П. О «точках роста» в социологии // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 14–20.
2. Романовский Н.В. Социология: детерминанты перемен // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 20–30.
3. Романовский Н.В. Социология заговорила по-китайски? // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 130–132.
4. Famous Sociologists. Strong shoulders to stand on. URL: <http://www.sociosite.net/topics/sociologists.php> (date of access: 08.08.2015).
5. Books of the Century. URL: http://www.isa-sociology.org/books/vt/bkv_000.htm (date of access: 08.08.2015).
6. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.
7. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.

8. *Девятко И.Ф.* Социологические теории знания и перспективы исследования «народной социологии» // Вторые Давыдовские чтения: сб. научных докладов симпозиума 9-10 октября 2014 г. М.: ИС РАН, 2014. С. 59–73.
9. История теоретической социологии / Под ред. Ю.Н.Давыдова. М.: Канон+, 1997. Т. 2.
10. *Романовский Н.В.* Фронеzis в концепции Бента Фливерберга // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 17–26.
11. *Burawoy M.* For public sociology // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. № 1. P. 4–28.
12. *Тоценко Ж.Т., Романовский Н.В.* Публичная или профессионально-публичная социология? // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 20–30.
13. Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2008.
14. *Тоценко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследований социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 3–13.
15. *Тоценко Ж.Т.* Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. №1. С. 106–116.
16. *Makkreel R.* Wilhelm Dilthey // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2012 Edition) / Ed. E. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2012/entries/dilthey/> (date of access: 08.08.2015)
17. *Duster T.* A post-genomic surprise. The molecular reinscription of race in science, law and medicine // British Journal of Sociology. 2015. Vol. 66. № 1. P. 1–27.
18. *Шкурко А.В.* На пути к нейросоциологии // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 13–23.
19. *Franks D.* Neurosociology. The Nexus Between Neuroscience and Social Psychology. New York: Springer, 2010.
20. *Turner J.H.* Theoretical Sociology: A Concise Introduction to Twelve Sociological Theories. Thousand Oaks, CA e.a.: Sage, 2014.
21. *Калекин-Фишман Д.* Иная социология возможна: в зависимости от содержания понятия «иная» // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 16–25.
22. Political Power and Social Theory. 2014. Vol. 26 (Special issue on the Decline of the United States, ed. by R.Lachmann). P. 147–194.
23. *Селеньи И.* Тройной кризис американской социологии // Глобальный диалог. 2015. Т. 5. № 2. С. 4–7.
24. *Nichols L.* Editor's Introduction: The Symposium on American Sociology // American Sociologist. 2015. Vol. 46. Iss. 1. P. 1–10.
25. *Зафировский М.* Вне рационального выбора: элементы «теории иррационального выбора» // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 19–28.
26. *Zafirovski M.* Rational Choice Requiem: The Decline of An Economic Paradigm and Its Implications for Sociology // American Sociologist. 2014. Vol. 46. No.4. P. 432–452.

27. *Schipper J.* Toward a Buddhist Sociology: It's Theories, Methods, and Possibilities // *The American Sociologist*. 2012. Vol. 43. No. 3: 203–222.

28. *Bhambra G.* Modernity and Postcolonial Critique // XVIII ISA World Congress of Sociology. Book of Abstracts. Yokohama, 2014. P. 89.

29. *Go J.* For a Postcolonial Sociology // *Theory and Society*. 2013. Vol. 42. No.1. P. 25–55.

30. *Бхамбра Г.* Глобальная социология под вопросом // *Глобальный диалог*. 2015. Т. 5. № 2. С. 8-10.

31. *Islamic Sociology*. URL: <http://www.allaboutworldview.org/islamic-sociology.htm> (date of access: 27.08.2015)

32. *Burrows R., Savage M.* The Coming Crisis of Empirical Sociology // *Sociology*. 2007. Vol. 41. No. 5. P. 885–899.

Romanovsky Nikolay

*Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (IS RAS), Moscow,
Journal "Sociological Studies", Moscow, socis@isras.ru*

About “growing points” in modern theoretical sociology

The article describes the variants of methodology of “growing points” search in modern theoretical sociology and oncoming changes in the fundamentals of theoretical sociology that will open a new stage in the history of sociology. We analyze a number of potentially important changes that happened recently and define the most perspective ones that are related to a) a new level of penetration into the problems of action/interaction of people, b) a new understanding of the role and function of social science, that potentially goes beyond the “Methodenstreit” of the late XIX century, 3) the integration of new civilization approaches into the sociological theorizing made by sociologists from China, India and other countries. We also indicate areas of search that, in our opinion, may lead to a dead end.

Key words: contemporary sociology, theoretical sociology, growing points, sociology of life, postcolonial sociology life.

References

1. Yakovlev I.P. O “tochkah rosta” v sociologii (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 1999, 1, 14–20.
2. Romanovsky N.V. Sociologiya: determinanty peremen (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2009, 12, 20–30.
3. Romanovsky N.V. Sociologiya zagovorila po-kitajski? (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2013, 12, 130–132.
4. *Famous Sociologists*. Strong shoulders to stand on. URL: <http://www.sociosite.net/topics/sociologists.php> (date of access: 08.08.2015)
5. *Books of the Century*. URL: http://www.isa-sociology.org/books/vt/bkv_000.htm (date of access: 08.08.2015)
6. Ivanov D.V. K teorii potokovyh struktur (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2012, 4, 8–16.
7. Deviatko I.F. *Sociologicheskie teorii deyatel'nosti i prakticheskoy racional'nosti (Sociological theories of agency and practical rationality)* (in Russian). M.: Avanti plyus, 2003.

8. Devyatko I.F. “Sociologicheskie teorii znaniya i perspektivy issledovaniya ‘narodnoj sociologii’” (in Russian), in: *Vtorye Davydovskie chteniya. Sb. nauchnyh dokladov simpoziuma 9-10 oktyabrya 2014*. M.: IS RAN, 2014. S. 59–73.
9. Davydov Yu.N. (ed.) *Istoriya teoreticheskoy sociologii* (in Russian). M.: Kanon+, 1997. Vol. 2.
10. Romanovsky N.V. Fronezis v koncepcii Benta Flivberga (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2012, 1, 17–26.
11. Burawoy M. For public sociology, *American Sociological Review*, 2005, 70 (1), 4–28.
12. Toshhenko Zh.T., Romanovsky N.V. Publichnaya ili professional’no-publichnaya sociologiya? (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2009, 4, 20–30.
13. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. (eds.) *Obshhestvennaya rol’ sociologii* (The public role of sociology) (in Russian). M.: Variant; CSPGI, 2008.
14. Toshhenko Zh.T. Sociologiya zhizni kak koncepciya issledovaniy social’noj real’nosti (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2000, 2, 3–13.
15. Toshhenko Zh.T. Sociologiya zhizni kak teoreticheskaya koncepciya (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2015, 1, 106–116.
16. Makkreel R. “Wilhelm Dilthey”, in: Zalta E. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2012 Edition). URL: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2012/entries/dilthey/> (date of access: 08.08.2015)
17. Duster T. A post-genomic surprise. The molecular reinscription of race in science, law and medicine, *British Journal of Sociology*, 2015, 66, 1, 1–27.
18. Shkurko A.V. Na puti k nejosociologii (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2011, 4, 13–23.
19. Franks D. *Neurosociology. The Nexus Between Neuroscience and Social Psychology*. New York: Springer, 2010.
20. Turner J.H. *Theoretical Sociology: A Concise Introduction to Twelve Sociological Theories*. Thousand Oaks, CA e.a.: Sage, 2014.
21. Kalekin-Fishman D. Inaya sociologiya vozmozhna: v zavisimosti ot sodержaniya ponyatiya “inaya” (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2009, 7, 16–25.

22. *Political Power and Social Theory*. 2014. Vol. 26 (Special issue on the Decline of the United States, ed. by R.Lachmann). P. 147–194.
23. Selen'i I. Trojnoj krizis amerikanskoj sociologii (in Russian), *Globalnyj Dialog*, 2015, 5 (2), 4–7.
24. Nichols L. Editor's Introduction: The Symposium on American Sociology, *American Sociologist*, 2015, 46 (1), 1–10.
25. Zafirovskij M. Vne racional'nogo vybora: elementy "teorii irracional'nogo vybora" (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological studies)*, 2014, 3, 19–28.
26. Zafirovski M. Rational Choice Requiem: The Decline of An Economic Paradigm and Its Implications for Sociology, *American Sociologist*, 2014, 46 (4), 432–452.
27. Schipper J. Toward a Buddhist Sociology: It's Theories, Methods, and Possibilities, *The American Sociologist*, 2012, 43(3), 203–222.
28. Bhambra G. "Modernity and postcolonial critique", in: *XVIII ISA World Congress of Sociology. Book of Abstracts*. Yokohama. 2014. P. 89.
29. Go J. For a Postcolonial Sociology, *Theory and Society*, 2013, 42 (1), 25–55.
30. Bhambra G. Global'naya sociologiya pod voprosom (in Russian), *Globalnyj Dialog*. 2015, 5 (2), 8–10.
31. *Islamic Sociology*. URL: <http://www.allaboutworldview.org/islamic-sociology.htm> (date of access: 27.08.2015)
32. Burrows R., Savage M. The Coming Crisis of Empirical Sociology, *Sociology*, 2007, 41(5), 885–899.